

ЛИЛИЯ ТИМОЛАЕВА

Развод
с генералом драконов

Акушерка для его
наследника

Лилия Тимолаева

**Развод с генералом драконов.
Акушерка для его наследника**

«Литнет»

2026

Тимолаева Л.

Развод с генералом драконов. Акушерка для его наследника /
Л. Тимолаева — «Литнет», 2026

Она умерла на дежурстве, спасая чужую жизнь, а очнулась в теле женщины, которую при всём дворе объявили бесплодной и ненужной. Муж — генерал драконов — уже подготовил ей развод и новую невесту с ребёнком под сердцем. Но Элея слишком хорошо знает цену таким приговорам. Её не сломали. Её сделали бесплодной. И чужая беременность слишком похожа на страшную тайну, которую все хотят спрятать. Вместо жалости она требует расчёт и уезжает на север, в полуразрушенный родильный приют, где среди холода, крови, тяжёлых родов и людской боли начинает заново собирать себя по кускам. Только прошлое не отпускает. Потому что наследник, которого носит новая женщина генерала, связан с Элеей куда сильнее, чем кто-либо готов признать. Развод не стал концом. Он стал началом войны за ребёнка, за правду и за право больше никогда не быть удобной.

Содержание

Глава 1. Развод при свидетелях	5
Глава 2. Цена опальной жены	11
Глава 3. Роды на зимней дороге	16
Глава 4. Северный приют	22
Глава 5. Мёртвый младенец с гербом	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Глава 1. Развод при свидетелях

Ребёнок не закричал.

Это она поняла раньше, чем услышала собственный голос. Воздух в родзале рвался на куски, лампа над операционным столом была белым светом в глаза, по вискам текла горячая солёная влага, а под пальцами скользила чужая, обмякшая, слишком тихая жизнь.

— Ещё раз, — хрипло сказала она, хотя горло уже жгло кровью. — Давайте. Не смотрите на меня, смотрите на него.

Медсестра всхлипнула. Монитор на секунду сорвался в длинный тревожный писк. Женщина на столе была почти без сознания, серое лицо блестело от пота, губы шевелились в бреду. У ребёнка была синюшная кожа и слишком тяжёлое, неподвижное тельце.

Она перехватила крошечную грудную клетку, вдохнула сама — резко, больно — и снова начала работать, не чувствуя ни спины, ни рук. Так, как делала сотни раз. Так, как её учили. Так, как должна была, пока сердце билось.

— Дыши, маленький. Ну же...

Где-то рядом кто-то сказал, что у неё самой кровь на халате. Кто-то окликнул по имени. Она не обернулась. И только когда крошечное тело вдруг дёрнулось и распахнуло рот, разрезав воздух хриплым, долгожданным, самым прекрасным звуком на свете, она поняла, что улыбается.

Ребёнок закричал.

А потом боль вошла ей под рёбра так резко, будто кто-то вогнал туда раскалённый прут. Мир качнулся. Белая лампа поплыла в сторону. Колени подогнулись.

— Врача! Быстро!

Кто-то подхватил её под локоть. Чужие голоса стали глухими, будто их заволокло ватой. Она ещё успела с нелепой, упрямой ясностью подумать, что нельзя сейчас — не тогда, когда женщина жива, ребёнок жив, бумаги не заполнены, надо проверить кровотечение, — но пол под ногами ушёл, свет схлопнулся в ослепительную иглу, и в этой игле осталась одна-единственная мысль:

Только бы они обе выжили.

Потом её ударил холод.

Не больничный, сухой и стерильный, а иной — тяжёлый, влажный, зимний, впивающийся в кожу сквозь ткань так, будто хотел забрать кости. Вместо запаха антисептика в ноздри ударили воск, дым, железо и что-то приторно-сладкое, душное. Вместо белого света сверху — золотистый отсвет сотен свечей, расплывающийся в глазах.

Она рвано вдохнула и едва не захлебнулась чужим воздухом.

Тело было не её.

Это пришло сразу, раньше мысли, раньше страха. Слишком тугой корсет сдавливал грудь, юбки тянули вниз, пальцы дрожали иначе, на запястьях звенели тонкие браслеты, от тяжести высокой причёски ломило шею. Под тонкой кожей на руках не было привычных следов от перчаток и антисептика, ладони казались мягче, уже, слабее. А в висках гулко стучало — не только от шока, но и от чужой, не пережитой ею боли.

Перед ней раскинулся огромный зал. Высокие своды терялись в полутьме. На мраморном полу горели багряные и золотые отблески. С двух сторон тянулись ряды людей — дамы в холодном блеске драгоценностей, военные в тёмных мундирах, придворные, похожие на стаю красиво одетых хищников. И все они смотрели только сюда.

На неё.

Нет. Не только.

На мужчину напротив.

Он стоял несколькими ступенями выше, у подножия императорского трона, и от одного его присутствия воздух будто делался гуще. Высокий, широкоплечий, в чёрном мундире с серебряным шитьём и знаком драконьего корпуса на груди, он казался частью этого ледяного зала — таким же безжалостным, собранным, недоступным теплу. Тёмные волосы были убраны назад, жёсткая линия рта не дрогнула, когда он смотрел на неё сверху вниз. На плечах лежал тяжёлый плащ, а у виска поблёскивала тонкая серебряная цепь знака рода.

От него тянуло такой властью, что ей на мгновение действительно стало трудно дышать.

И такой ненавистью? Нет. Не ненавистью. Хуже. Выверенной, хищной отстранённостью человека, который уже всё решил.

В памяти — не её памяти — вспыхнуло имя.

Ардан.

Генерал драконов.

Муж.

Слово ударило так, будто её швырнули в ледяную воду. В голове вспыхнули обрывки: длинные коридоры, тяжёлые двери, чужие руки на застёжках платья, ночи ожидания, молчание, унижения, чужой смех за стеной, бесконечный шёпот о наследнике, о долге, о бесплодной жене, о позоре рода.

Она пошатнулась.

Кто-то справа тихо, с плохо скрытым удовольствием, сказал:

— Смотрите, ей и впрямь дурно. Как трогательно.

И тогда она увидела другую женщину.

Та стояла чуть позади генерала, в бледно-золотом платье, слишком мягком для зимы и слишком откровенно дорогое, словно была уже здесь хозяйкой. Молодая, красивая, с тонкими чертами и блеском победы в глазах. Но победа эта сидела на страхе — героиня уловила это не сразу, а через секунду, по тому, как чуть дрогнули её пальцы на животе, как слишком глубоко она вдохнула, как побледнели губы под краской.

Живот. Совсем лёгкая округлость под складками ткани.

Беременная.

— Леди Элея, — разнёсся по залу голос церемониймейстера, — в присутствии их императорских величеств, двора и свидетелей рода сегодня будет засвидетельствовано расторжение брачного союза между вами и лордом Арданом Вальтером Эйр-Рагаром, генералом северных легионов и носителем крови Великого пепельного дома.

Каждое слово било точно в грудь.

Элея. Значит, так звали женщину, в теле которой она очнулась.

Чужая память шевельнулась снова: ожидание у закрытых дверей, месяцы молчания, взгляд свекрови, как у судебного палача, чьи-то настойки, капли, горькие порошки по вечерам — «для укрепления женского естества», — после которых её мутило, знобило и ломало низ живота.

— Основание, — продолжил церемониймейстер, — неспособность супруги дать дому наследника, а также признанная несовместимость брака с интересами рода.

По залу прошёл тихий, сытый шелест. Не удивление — наслаждение.

Она ощутила, как в чужом теле поднимается волна стыда. Не её. Элеи. Женщины, которую гнали на убой месяцами, если не годами. Но поверх этого стыда поднялось другое — злое, острое, отрезвляющее.

Неспособность? Признанная? Кем? По каким данным?

Она бывала на консилиумах. Она знала, как звучит правда и как звучит приговор, когда его заранее написали.

— Вы подтверждаете сказанное? — церемониймейстер повернулся к генералу.

— Подтверждаю, — ответил Ардан.

Негромко. Ровно. От этого хуже.

Он даже не повысил голос. Будто речь шла о замене лошади, а не о жизни женщины, которую выставляли перед двором бесполезным браком.

— И подтверждаете готовность вступить в новый союз, одобренный родом и двором?

Пауза длилась долю секунды. За эту долю секунды ей показалось, что холод в его взгляде чуть изменился. Не смягчился — нет. Просто в глубине мелькнуло что-то похожее на усталость. Или вину. Или ей отчаянно хотелось это увидеть.

— Подтверждаю, — сказал он.

Золотистая женщина рядом с ним склонила голову. Толпа заметно оживилась.

У Элеи — у неё — под кожей заходила дрожь. Не та, что от холода. От ярости.

Она вдруг очень ясно поняла, что если сейчас промолчит, этот зал сожрёт её целиком. Оставит от неё только одно слово: бесплодная.

Церемониймейстер уже раскрыл футляр с брачным перстнем, намереваясь потребовать символ рода. Всё шло быстро, отлаженно, словно развод был не трагедией, а давно назначенной процедурой.

Она выпрямилась.

Это движение далось тяжело. Корсет врезался в рёбра, перед глазами на секунду поплыло, но она всё равно расправила плечи.

— Я ещё ничего не подтверждала, — сказала она.

Голос прозвучал ниже, чем она ожидала. Хрипло. Но ясно.

Зал замер.

Ардан впервые посмотрел на неё по-настоящему. Не как на формальность у ступеней, а как на живого противника, внезапно вышедшего на поле.

— Леди Элея, — предостерегающе начал церемониймейстер.

— Вы назвали основание, — перебила она. — Значит, у него должно быть доказательство. Не шёпот в коридорах и не чужое желание угодить роду, а заключение.

Несколько дам поднесли веера к лицам. Кто-то из военных кашлянул, скрывая усмешку или неловкость. Император на троне не шелохнулся, но она чувствовала на себе и этот взгляд тоже — ленивый, любопытный, ждущий зрелища.

— Вам ли спорить с решением дома? — мягко обронила откуда-то слева пожилая женщина.

Голос был сухим, тонким, как лезвие. Даже не оборачиваясь, героиня поняла: свекровь.

— Если речь идёт о моём теле и моём имени, — ответила она, — спорить мне как раз и положено.

Тишина стала плотной. Звенящей.

Ардан медленно спустился на одну ступень ниже. Теперь их разделяло меньше расстояния, и от него сильнее ударило холодом улицы, кожей перчаток, металлом оружия и ещё чем-то неуловимо горьким, как от давно сдерживаемого гнева.

— Вы хотите устроить сцену? — спросил он так тихо, что эти слова, кажется, услышала только она.

— Разве это не вы её устроили? — так же тихо ответила она.

Что-то дёрнулось у него в лице. Почти незаметно. Взгляд стал жёстче.

— Вам была предложена достойная форма.

— Достойная? — Она чуть повернула голову, давая понять, что видит весь зал, всех свидетелей, всех тех, кто уже приготовился запомнить её сломанной. — Это так теперь называется?

На скулах генерала заиграли желваки. Но прежде чем он ответил, та, золотистая, шагнула вперёд.

— Зачем вам упорствовать? — сказала она с напускной жалостью. — Все уже знают, что дом не может ждать бесконечно.

Это было сказано мягко, почти ласково. И оттого ударило сильнее пощёчины.

Героиня перевела взгляд на неё — и вновь поймала ту странную смесь. Триумф, страх, слабость. Восковая бледность под пудрой. Чуть отёкшие пальцы. Слишком частое дыхание. И рука, машинально легшая на живот так, как ложится не у спокойной, защищённой женщины, а у той, что каждую минуту ждёт боли.

А ещё — тончайший серо-синий след по внутренней стороне запястья. Как будто под кожей когда-то вели магическую иглу.

Она не знала законов этого мира. Но интуиция врача поднялась в ней мгновенно, остро. Эта беременность была не простой.

— Дом? — переспросила она. — Или вы?

Женщина побелела ещё сильнее.

Ардан шагнул ближе.

— Довольно.

Одно слово. Негромкое, но такое, от которого по спине пробежал холод. Вот эта сила в нём и была по-настоящему опасной: ему не нужно было кричать. Пространство само сжималось вокруг его воли.

Но и её накрыла не слабость — ясность.

Элею ломали долго. Приучали отступать. Ждать. Просить. Молчать. И, может быть, прежняя хозяйка тела в этот момент и впрямь опустила бы голову. Сняла бы перстень. Ушла бы, сохраняя остатки достоинства.

Она не могла.

Потому что слишком хорошо знала цену словам «бесплодна» и «ничего нельзя сделать», брошенным без настоящей борьбы. Потому что эта женщина — чью жизнь ей подсунули вместо смерти — была не просто брошенной женой. Её методично вели к этому приговору.

— Тогда ответьте мне прямо, лорд Ардан, — произнесла она. — Кто и когда признал меня бесплодной?

Впервые по залу пронёсся не шелест, а настоящее напряжение. Вопрос был слишком прямым.

Он молчал.

Его молчание длилось всего секунду. Но этой секунды хватило.

Потому что в чужой памяти распахнулась ещё одна дверь.

Комната без окон. Запах трав, слишком густой, сладковатый. Свет одной лампы. Холодный голос свекрови: «Ты должна быть благодарна, что дом всё ещё терпит тебя». Стекланный флакон. Горечь на языке. Судорога внизу живота. Тёмное пятно крови на простыне наутро. А потом — новое лечение. Новые капли. Новая надежда, которую каждый раз давали и тут же отнимали.

Не лечение.

Подавление.

Она не знала ещё как, не понимала схемы, но знала это телом так же верно, как знала, когда у роженицы начинается скрытое кровотечение.

Кто-то годами не лечил Элею. Кто-то делал так, чтобы она не могла зачать.

Перед глазами потемнело не от слабости — от внезапной, ледяной ярости.

— Значит, никто не признал, — тихо сказала она.

Ардан резко сузил глаза.

— Следите за словами.

— Я только начала.

Она сняла с пальца брачный перстень. Металл оказался неожиданно тяжёлым. Не бросила — слишком многие в этом зале ждали именно истерики. Она разжала ладонь, и кольцо легло на серебряный поднос церемониймейстера с тонким звоном.

— Если дому нужен развод, он его получит, — произнесла она, и собственный голос вдруг показался ей чужим и очень твёрдым. — Но не под видом милости и не под клеймом, которое на мне поставили чужими руками.

Плечи свекрови дрогнули. Едва заметно. Зато она это увидела.

Значит, ударила туда.

— Вы забываетесь, — прошипела пожилая женщина.

— Напротив. Кажется, я только сейчас пришла в себя.

Это было опасно. Безумно опасно. Она ничего не знала о силе этого дома, о правилах двора, о том, как здесь наказывают непокорных женщин. Но молчание было бы хуже. Молчание стало бы её настоящей смертью.

Ардан смотрел на неё так, будто впервые не мог до конца просчитать следующий шаг.

И в этом взгляде мелькнуло нечто, от чего в груди болезненно сжалось: он не был равнодушен. Он мог быть жестоким, ослеплённым, неверным, виноватым — каким угодно. Но не равнодушным. Где-то под ледяным панцирем горела своя война.

Только это уже ничего не меняло.

Церемониймейстер, побледнев, торопливо произнёс положенные слова. Брак был расторгнут. Император кивнул, как человек, закрывающий скучный вопрос. Двор начал шуметь — ещё сдержанно, но уже оживлённо, как улей после удара по сотам.

Она почти не слышала.

Внутри было только одно: холодная, бешеная ясность.

Её не просто объявили бесплодной. Её к этому вели.

Когда зал зашевелился, слуги шагнули ближе, готовые отвести её прочь, как отработанную фигуру со сцены. Она сделала шаг сама — и мир качнулся. Чужое тело ещё было слишком слабым, виски разрывались от наплыва памяти, под корсетом что-то кололо с внутренней, нехорошей тянущей болью.

Она машинально прижала ладонь к низу живота.

И замерла.

Там, глубоко под болью и пустотой, ощущалось другое. Не естественная поломка. Не выжженная земля. А что-то похожее на тонкую сеть, давно вросшую в плоть. Чужая магия. Старый след. Словно кто-то годами, слой за слоем, глушил живую ткань, не давая ей работать так, как должна.

Её прошиб озноб.

Перед внутренним взглядом вспыхнул тот самый флакон. Горечь. Свекровь. Повитуха. Ласковые слова о лечении. И кровь, кровь, кровь — каждый раз после.

Она медленно подняла голову.

Ардан уже отворачивался, собираясь увести свою новую избранницу. Та снова коснулась живота — нервно, почти судорожно.

И в ту же секунду героиня поняла ещё одну вещь, от которой сердце забилося так сильно, что в глазах потемнело.

Эта женщина боялась не потерять покровителя.

Она боялась за ребёнка.

А дети, которых носят спокойно и честно, так не пугают.

Значит, ложь была глубже, чем один развод.

Её тело сделали бесплодным.

Эту беременность тоже кто-то сделал.

И теперь её выставляли прочь именно в тот момент, когда новая невеста уже несла наследника.

Не совпадение.

Совсем не совпадение.

Она сжала пальцы на складках юбки так сильно, что побелели костяшки.

Нет. Она ещё не знала, как выживет в этом мире. Не знала, кто здесь враг, кто просто трус, а кто уже подписал ей приговор. Не знала, что будет с ней после сегодняшнего позора.

Но одно она поняла точно.

Бесплодной Элея не была.

Её такой сделали.

Глава 2. Цена опальной жены

Шум в зале вернулся не сразу.

Сначала это был всего лишь осторожный шелест ткани, едва слышный скрип чьих-то подошв по мрамору, тяжёлое дыхание людей, которые ещё не понимали, закончилась сцена или только меняет форму. Потом зашептались дальние ряды. За ними — ближние. Двор, замерший на несколько ударов сердца, снова ожил, и от этого Элее стало даже легче.

Пока молчали все, её можно было раздавить одним словом. Когда люди начали говорить, появился шанс вмешаться в их память о сегодняшнем дне.

Слуги шагнули к ней почти одновременно — бережно, почтительно, как к женщине, которой полагалось выйти после унижения с тем достоинством, какое ей позволят сохранить. Один протянул руку, собираясь проводить к боковому выходу.

Элея посмотрела на эту руку так, что слуга замер.

— Я дойду сама.

Сказано было негромко, но он отступил мгновенно. У неё всё ещё ломило виски, перед глазами временами темнело, корсет давил на рёбра, а чужое тело держалось на одной ярости. Однако именно ярость и помогала ей не согнуться. Если она позволит вынести себя отсюда молча, все эти люди запомнят не её слова, не взгляд генерала, не страх его новой невесты, а только одно: бывшая жена ушла сломленной.

Нет. Она уже отдала слишком многое женщине, в чьём теле очнулась. Остатки имени хотя бы следовало отвоевать.

Элея сделала шаг к выходу, и именно тогда её настиг голос свекрови.

— Остановитесь.

Не громкий, не сорвавшийся в крик, но в нём было достаточно власти, чтобы ближайшие придворные послушно расступились. Пожилая женщина уже не сидела. Стояла прямо, опираясь на трость скорее как на знак статуса, чем из необходимости, и смотрела на Элею взглядом, в котором не было ни жалости, ни даже раздражения — только холодная досада человека, у которого сломали тщательно подготовленную церемонию.

Элея обернулась медленно, давая себе эту секунду, чтобы выровнять дыхание.

— Вы забылись, — сказала свекровь. — Вам следовало бы уйти, пока вам это ещё позволяют сделать спокойно.

Вот оно.

Не крик, не истерика, не обвинение — привычное давление, которым женщину годами приучали стыдиться самого желания говорить. Откуда-то из глубины чужой памяти всплыл такой же тон: *ты должна быть благодарна, что дом всё ещё терпит тебя*. И следом — стеклянный пузырь в сухих старческих пальцах.

Элея почувствовала, как по коже проходит холод.

— Я как раз стараюсь ничего не забыть, — ответила она.

Вокруг опять стихло. Не совсем — просто теперь шум ушёл глубже, превратился в настоящее ожидание. Император не вмешивался. Дамы ловили взгляды друг друга поверх веев. Военные, стоявшие ближе к ступеням, делали вид, что всё происходящее не должно их касаться, но слушали так, как слушают перед выстрелом.

Свекровь смотрела на неё с тем же ледяным презрением.

— Дом проявил к вам достаточно снисхождения.

— Дом? — Элея чуть повернула голову, бросив быстрый взгляд туда, где стоял Ардан.
— Или вы?

На скулах пожилой женщины проступили тонкие белые полосы — так она сжала зубы.

Ардан до сих пор молчал. Он не вмешивался, не останавливал мать, не приказывал Элее покинуть зал. Просто смотрел на неё тем же тяжёлым, собранным взглядом, от которого под кожей снова рождалось опасное, злое напряжение. Он был слишком спокоен для человека, чей развод только что превратился в публичный торг. И это спокойствие настораживало сильнее любого крика.

— Что вы хотите? — спросила свекровь.

На этот раз прямо.

Элея вдруг поняла, что это и есть первый настоящий выигрыш. Её уже не выталкивали. С ней начали считаться настолько, чтобы спросить условия.

Она не торопилась отвечать. Секунда нужна была не для красоты, а чтобы успокоить собственное сердце. Просить нельзя. Благодарить нельзя. Нужно требовать так, будто она имеет на это полное право.

Потому что, если здраво рассудить, оно у неё и было.

— Расчёт, — сказала она.

Слово легло в зал неожиданно твёрдо.

Кто-то ахнул. Кто-то тихо фыркнул. Император, до того скучающе подпирающий щёку пальцами, поднял взгляд уже с откровенным интересом.

— Развод оформлен при свидетелях, — продолжила Элея. — Значит, по нему должен быть и расчёт. Не тайная милость, не подачка из родовой кассы, не кошель, который мне сунут в карете, чтобы потом объявить достаточной щедростью. Официальный расчёт. С бумагами. С печатью. С правом на отдельное положение.

Свекровь смотрела на неё так, будто перед ней заговорил предмет мебели.

— После того, что вы устроили, вы ещё смеете торговаться?

— После того, что устроили вы, у меня нет причин уходить нищей.

На этот раз по залу пронёсся уже не шелест, а настоящее движение. Элея краем глаза заметила, как одна из молодых придворных дам судорожно вцепилась в веер. Кто-то из старших советников склонил голову, явно прислушиваясь внимательнее. Эти люди привыкли к чужому унижению, но не к тому, что униженная женщина вдруг начинает говорить языком закона.

Свекровь холодно прищурилась.

— Вам будет предоставлено содержание.

— Мне будет предоставлено то, что положено по закону великого дома женщине, от которой отказываются не за измену, не за государственное преступление и не за бесчестье, — ответила Элея. — Или вы собираетесь объявить ещё и это?

Она сама не ожидала, насколько уверенно прозвучат эти слова. Но чужая память, которая до сих пор приносила только боль и обрывки унижений, вдруг послушно выдала нужные строки. Видимо, прежняя Элея когда-то знала правила собственного положения слишком хорошо — просто так и не решилась ими воспользоваться.

Ардан шагнул ближе.

— Ты сейчас выбираешь опасный тон.

Его голос был негромким. Только для неё. От этой низкой ровности по спине прошёл холод. Так мог говорить человек, привыкший поворачивать ход событий двумя словами. И именно поэтому Элея заставила себя не отступить.

— А вы выбрали безопасный? — спросила она так же тихо. — Объявить меня бесплодной перед двором и сразу поставить рядом женщину с ребёнком под сердцем?

Что-то мелькнуло у него в глазах — слишком быстро, чтобы она успела назвать это. Злость? Вина? Желание остановить её — или наоборот, дослушать до конца? Элея не знала. И уже не хотела догадываться.

— Назовите условия, — сказал он.

Вот так. Не “замолчите”. Не “довольно”. Не “уведите её”.

Назовите.

Элея очень медленно разжала пальцы, которые всё это время впивались в складки юбки.

— Мне положена титульная компенсация, — произнесла она. — И имущество, которое обеспечит мне отдельное положение вне вашего дома.

Свекровь презрительно усмехнулась.

— Вы слишком много о себе вообразили.

— Нет. Я как раз очень ясно вижу, кем вы хотели меня оставить: бывшей женой без имени, без опоры и без права говорить. Такой вариант меня не устраивает.

— И что же вы требуете? — спросил Ардан.

В этом вопросе было странно мало раздражения. Он звучал почти деловито, и от этого Элее стало ещё тревожнее. Слишком собран. Слишком готов слушать.

Она уже знала ответ. Название пришло из чужой памяти как вспышка: разговор двух служанок в коридоре, жалобы на расходы, чьё-то раздражённое “да сбыть бы этот проклятый приют хоть кому”.

— Северный родильный приют у перевала Иаран, — сказала она.

Теперь дрогнуло сразу несколько лиц. Не только свекровь — хотя та впервые с начала сцены действительно изменилась в лице. Даже церемониймейстер, стоявший с подносом и бумагами, вскинул на неё глаза.

Попала.

— Зачем вам эта развалина? — спросил Ардан.

Элея пожала плечами.

— Вы же сами решили, что я ни на что не гожусь, кроме как возиться с детьми и кровью. Так пусть у меня будет место, где из этого можно сделать хоть какую-то жизнь.

Это было и колкостью, и правдой. И, кажется, попало слишком точно. На скулах генерала снова заиграли желваки.

— Ты не понимаешь, о чём просишь.

— Тогда объясните. Или согласитесь.

Она ждала спора. Торга. Попытки предложить другой дом, деньги вместо дела, что угодно — лишь бы не отдавать ей именно то, что она назвала. Но Ардан ответил почти сразу:

— Хорошо.

Всего одно слово.

И от этого слова по спине у неё пробежал уже не холод, а настоящая тревога.

Слишком легко.

Слишком быстро.

Если мужчина его положения уступал без борьбы, значит, либо приют и правда ничего не стоил, либо там уже было приготовлено нечто, что должно было сломать её лучше любой столицы.

Свекровь резко повернула голову к сыну:

— Ардан.

В этом одном имени было больше упрёка, чем в ином скандале.

Он даже не посмотрел на неё.

— Бумаги будут оформлены сегодня, — сказал он, не сводя взгляда с Элеи.

— С печатью дома, — добавила она.

— Да.

— И с содержанием на восстановление приюта.

Вот теперь свекровь не сдержалась.

— Вы переходите всякую меру.

— Нет, — ответила Элея. — Я только начинаю считать цену.

Император тихо хмыкнул. Ему явно нравилась сцена, в которой опальная жена вела себя не как жертва, а как игрок. Но вмешиваться он не собирался — до тех пор, пока это зрелище оставалось безопасным для трона.

— Что ж, — лениво произнёс он. — Северный приют и содержание — малая плата за то, чтобы вопрос был закрыт без дальнейшего шума.

Это и было решением. После слов императора спорить стало поздно даже свекрови.

Писцы сразу пришли в движение. Один бросился за чистыми листами, другой — к ларцу с печатями. Слуги снова зашуршали по залу, но уже иначе: не как вокруг униженной женщины, а как вокруг дела, которое нужно быстро оформить и убрать с глаз.

Элея почувствовала странную, почти горькую пустоту. Не победу. Скорее временно отбитое право не упасть сегодня на самое дно.

Ардан не уходил.

Он стоял так близко, что она различала на его плаще растаявшие снежинки и холодный запах улицы, кожи, металла. В этой близости было что-то почти личное — и оттого особенно опасное.

— Почему именно приют? — спросил он тихо, когда остальные на миг отвлеклись на бумаги.

— Потому что вы согласились слишком быстро, — ответила она.

Его взгляд стал жёстче.

— Ты думаешь, я хочу тебя туда заманить?

— Я думаю, что мужчина вроде вас не отдаёт ничего ценного просто так. Значит, либо это место не стоит и медяка, либо вы уверены, что оно сломает меня лучше столицы.

Он смотрел на неё долго. Слишком долго для человека, который только что подтвердил другой союз. И от этого взгляда внутри опять сдвинулось то болезненное, чужое, что прежняя Элея, видимо, годами хоронила под молчанием.

— Ты всё-таки слишком высокого мнения о своей значимости, — сказал Ардан.

Слова были жёсткими. Голос — нет. И это несоответствие задело сильнее, чем хотелось.

Элея уже собиралась отвернуться, когда увидела, как золотистая невеста, всё ещё стоявшая неподалёку, вдруг очень осторожно сменила опору с одной ноги на другую. Для остальных это движение, наверное, осталось незаметным. Но не для неё.

Пальцы женщины легли на низ живота — не изящным светским жестом, а быстрым, произвольным движением, каким прикрывают боль. Лицо её под слоем пудры стало серее. Над верхней губой блеснула испарина. Дыхание участилось так, что грудь поднялась слишком резко. А у виска заметно дрогнула тонкая жилка.

Элея напряглась.

Такое бывает не просто от волнения.

Она перевела взгляд ниже. Под складками дорогого платья прятались отёкшие щиколотки — лёгкие, но уже нехорошие для этого срока. Кисти тоже казались чуть припухшими. И эта странная, восковая бледность, которую не даёт обычная усталость.

Опасно.

Очень.

Женщина подняла на неё глаза — и на одно короткое мгновение в них не было ни победы, ни превосходства. Только чистый, животный страх.

Ардан проследил за её взглядом.

— Что?

Спросил резко, почти недовольно, как человек, которому не нравится сам факт её пристального внимания к другой женщине.

Элея перевела на него взгляд. Она могла сказать прямо сейчас. Могла предупредить. Могла, может быть, даже спасти эту беременность раньше, чем станет поздно.

Но в этом зале её слово всё ещё оставалось словом бывшей жены, которую только что объявили бесплодной и ненужной. Любое предупреждение здесь превратили бы либо в истерику, либо в завистливую попытку испортить чужое счастье.

Нет. Не сейчас.

— Ничего, — ответила она ровно.

Это была ложь. Но пока единственно безопасная.

Писцы уже несли бумаги. Церемониймейстер снова приблизился — теперь с той почти-тельной осторожностью, которой люди наделяют тех, кто сумел удивить при дворе и остаться на ногах. Элея поставила подпись рукой, которая дрожала едва заметно, и заставила себя не показать, сколько ей стоило это спокойствие.

Когда всё было закончено, зал уже терял к ней интерес. Двор умеет забывать чужую боль так же быстро, как вспоминает её на следующем приёме. Но Элея, уходя, ещё раз обернулась.

Золотистая женщина стояла очень прямо, слишком прямо для той, кому легко. Ладонь всё так же лежала на животе, будто оттуда можно было удержать что-то силой одной руки. А в глазах, когда она на мгновение встретилась с Элеей взглядом, было то, что не перепутаешь ни с капризом, ни с тщеславием.

Страх за ребёнка.

Не просто тревога беременной женщины. Страх той, кто уже чувствует: с телом и беременностью происходит что-то неладное.

И если никто в этом зале не видел того, что увидела Элея, значит, дом Ардана был куда опаснее, чем ей показалось в первые минуты после пробуждения.

Она вышла, не оглядываясь больше, но уже знала: сегодняшний развод не развёл её с этой семьёй по-настоящему.

Он только сделал их будущую встречу неизбежной.

Глава 3. Роды на зимней дороге

На рассвете дворец проводил её так же, как прощаются с неудобной вещью: быстро, холодно и без лишних взглядов.

Сани уже ждали у чёрного крыльца, укрытого от глаз двора колоннадой и снежной пеленой. Белёсый пар вырывался из ноздрей лошадей, возницы топтались у оглобель, пряча руки в рукава, а рядом с подводой стоял офицер сопровождения — высокий, сухощавый, с обветренным лицом и тем особым, спокойным вниманием, какое бывает у людей, привыкших довозить порученное живым даже через дурную погоду.

Элея спускалась медленно.

Тело после вчерашней сцены не простило ей ни ярости, ни упрямства. Под тёплым дорожным платьем и плащом всё ещё ломило низ живота; затянутые шнуровкой рёбра отзывались тупой болью при каждом глубоком вдохе; голова временами пустела так резко, что ступени начинали двоиться. Но хуже всего было не это. Хуже было ощущение чужой жизни, которую ей приходилось удерживать в себе, как непослушный, раненый инструмент. Это тело помнило страх, настойки, кровь, ожидание, унижения. И теперь, после развода, дрожало не только от мороза.

Офицер коротко поклонился.

— Леди. Дорога тяжёлая. Если вы готовы, лучше выехать немедленно.

Она кивнула. Голос сейчас не понадобился бы ни для чего полезного.

Ни Ардана, ни его матери, ни золотистой невесты у крыльца не было. Дом Эйр-Рагар избавлялся от неё аккуратно, как избавляются от ошибки в бумагах: не рвут лист на глазах у всех, а молча убирают в огонь.

Элея уже ставила ногу на ступеньку саней, когда всё-таки обернулась. Дворец тонул в утренней серости, крыши припорошило снегом, окна ещё были темны. Ничего не дрогнуло в этом каменном лице огромного дома. Но память тут же услужливо подняла другое — бледную руку на округлившемся животе, испарину над верхней губой, слишком частое дыхание.

С ней там было неладно.

И если Ардан этого не видел, он слеп. Если видел и всё равно вёл эту игру — опаснее, чем слепой.

Сани тронулись, и каменные стены поплыли назад.

К полудню столица исчезла за снегом и дальними холмами.

Дорога шла сначала по широкому тракту, потом становилась уже, грубее, рытвины под снегом били по полозьям, и от каждого толчка у Элеи невольно стискивались зубы. Внутри саней было не так холодно, как снаружи, но тепло всё равно не держалось: от дверцы тянуло, под ноги подбирался мороз, шубное покрывало тяжело лежало на коленях. Иногда она закрывала глаза и считала вдохи, чтобы унять дурноту. Иногда просто смотрела в маленькое мутное оконце на еловые леса, пустые белые поля и редкие сторожевые столбы, где ветер так и норовил сорвать вывешенные флажки.

На первой остановке ей подали горячий отвар в жестяной кружке. Она взяла его обеими руками и только тогда заметила, как сильно дрожат пальцы.

Офицер сопровождения стоял рядом, не торопя и не задавая лишних вопросов.

— Дальше начнётся северный тракт, — сказал он. — Хуже дороги, меньше постоянных дворов.

— Значит, вы не удивлены, что приют отдали именно мне, — ответила Элея.

Он помолчал.

— Я удивлён только тому, что вы не похожи на женщину, которая будет там тихо дожидаться.

Она подняла на него взгляд. В серых глазах не было ни сочувствия, ни насмешки. Только констатация.

— А на кого похожа?

— На ту, что сначала осматрится, а потом начнёт мешать чужому спокойствию.

Это прозвучало почти сухо. Но в другое время она, наверное, даже улыбнулась бы. Сейчас же только сделала ещё один глоток, чувствуя, как горячее понемногу возвращает телу ясность.

— Вы давно служите дому Эйр-Рагар? — спросила она.

— Достаточно.

— И вас не смущает, что меня сослали на север через несколько часов после развода?

— Меня смущает многое, леди, — ответил он так же ровно. — Но в мои обязанности входит довести вас до перевала. Не судить замыслы тех, кто дал приказ.

Удобный человек. Или очень осторожный.

До вечера они ехали почти без разговоров. Снег то редел, то снова налетал косыми жёсткими полосами. Кони дышали тяжело, на гриве у передней пары оседала белая пыль. Один раз им пришлось пропустить встречный обоз с солью; другой — объезжать сломавшуюся подводку, у которой возница ругался так зло, будто хотел этим согреть замёрзшие колёса.

К ночи остановились в маленьком дорожном доме, где пахло кислым пивом, овчиной и давно немытыми сапогами. Элее выделили тесную комнату с узкой кроватью и тазом, в котором вода под утро покрылась тонкой ледяной плёнкой. Она почти не спала. Стоило провалиться в сон, как приходила та же цепочка: горечь на языке, свекровь, кровь, золотистая невеста, рванный приговор «бесплодна».

На следующий день погода испортилась окончательно.

Небо нависло низко, почти серо-железно. Ветер шёл порывами, а снег под ним летел не хлопьями, а колючей крошкой, от которой слезились глаза даже в глубине саней. Дорога стала тяжелее, тракт — пустынное. К полудню им встретился лишь один охотник на лыжах да старик с вязанкой дров за спиной. На третьей попутной версте лошади начали чаще сбиваться с шага.

Элея как раз пыталась устроиться так, чтобы поясницу меньше ломало от тряски, когда снаружи слышались крики.

Не обычные дорожные оклики, не ругань возницы. Резкие, рваные, отчаянные.

Сани дёрнулись и остановились.

Она распахнула дверцу прежде, чем кто-то успел её предупредить. В лицо ударил снег. Впереди, поперёк дороги, стояла деревенская телега, заваленная шкурами и сеном. Одна лошадинка мотала головой, натягивая постромки. Рядом метался высокий кряжистый мужик в полушубке, а на коленях у него почти висела старуха, пытаясь удержать его за рукав.

Из-под наваленных шкур доносился женский крик.

Такой, который Элея не перепутала бы ни с чем, даже если бы очнулась в сотом чужом мире.

Роды.

Офицер уже спешился.

— Что случилось?

Мужик обернулся к нему так, будто увидел последнюю надежду.

— Господин, помогите! До двора не дотянули, её скрутило! С утра схватки, а теперь кровь... да она помрёт, господин!

Старуха всхлипнула и затараторила вперемешку молитвы и жалобы:

— Думали до бабки довести, до деревни всего ничего было, а её прям на дороге... ребёнок не идёт, орёт, белеет вся...

Элея уже шла к телеге.

Офицер резко повернулся:

— Леди, это не ваша забота. Здесь холод, и вам самой...

Она даже не дослушала.

Шкуры откинули не сразу — старуха сперва вцепилась в них, будто боялась выпустить чужака к роженице, потом всё-таки дёрнула край. Под ними на сене лежала молодая женщина лет двадцати пяти, не больше. Лицо серое, мокрые пряди липнут ко лбу, губы искусаны до крови. Юбки задраны, колени в соломе, под бёдрами уже тёмное влажное пятно. Схватка накатила как раз в тот момент, когда Элея заглянула внутрь, и женщина выгнулась, хватая ртом воздух.

Элея ощутила, как во всём теле сразу включилось знакомое, жёсткое спокойствие. Боль в собственном животе никуда не делась. Слабость — тоже. Но над ними мгновенно встала привычка к тому, что сначала смотришь, потом боишься.

— Как давно воды отошли? — спросила она.

Мужик моргнул непонимающе.

Старуха ответила первой:

— С рассвета! Сначала понемногу, потом всё разом. А дитё не выходит, только мучит её!

Элея быстро коснулась живота роженицы. Напряжённый, твёрдый, ребёнок стоял низко — слишком низко, но не так, как должен при нормальном головном предлежании. Следующая схватка пришла почти сразу, женщина закричала, и Элея увидела главное.

Показывались не волосы.

Ножка.

У неё внутри всё сжалось.

Тазовое. Да ещё в дороге, в телеге, на морозе, после долгих схваток. Если сейчас делать не то — погубят обоих. Если вообще ничего не делать — тоже.

— Мне нужна тёплая вода, — сказала она резко. — Много чистых тряпок. И чтобы эту телегу немедленно развернули боком к ветру.

Офицер шагнул ближе.

— Вы понимаете, что делаете?

Элея подняла на него глаза.

— Да.

Он смотрел секунду. Потом коротко бросил своим людям:

— Воду. Котёл с подводы. И укрыть телегу от ветра, быстро.

Это было хорошо. Очень хорошо. Спротивляться времени не приходилось.

— Тужься не сейчас, — сказала Элея женщине, залезая в телегу и опускаясь на колени прямо в солому. — Слушай меня. Если будешь тужиться, когда нельзя, убьёшь ребёнка.

Роженица едва ли понимала слова, но услышала тон. Ужас в её глазах стал осмысленнее, цепче.

— Как её зовут? — спросила Элея, не оборачиваясь.

— Марта, — выдохнул мужик. — Марта она, госпожа...

— Хорошо, Марта. Смотри на меня. Не на небо, не на мать, не на него — на меня. Дыши. Вот так. Коротко. Потом медленно.

Говорила она уже не как изгнанная леди и не как бывшая жена генерала. Говорила так, как годами говорила женщинам на грани — голосом, за который можно уцепиться, если собственное тело предаёт.

Снаружи закричали сапоги, телегу спешно подпёрли с двух сторон шкурами, кто-то ругнулся, обжигаясь о котёл. Старуха попыталась влезть следом, но Элея отрезала:

— Не мешайте. Держите ей плечи, когда скажу.

Следующая схватка подкатила раньше, чем принесли воду. Ножка показалась сильнее. Элея быстро проверила положение. Второй ноги пока не было. Это осложняло всё ещё больше.

— Госпожа... — голос старухи дрожал. — Она жива будет?

Элея не ответила. Не потому, что хотела напугать. Просто сейчас ложь была бы роскошью.

Воду подали в котле, обмотанном тряпьем. Элея быстро смыла с рук дорожную грязь так тщательно, как позволяли условия, заставила принести чистую ткань, велела разжать Марте пальцы, которыми та вцепилась себе в живот. Схватки шли уже одна за другой, тело женщины устало и начинало сдаваться.

Нужно было либо быстро вытаскивать ребёнка, либо готовиться к тому, что он задохнётся, застряв наполовину.

В груди на миг кольнуло воспоминание о белой лампе и синюшном младенце из другой жизни. Элея зло отогнала его. Не сейчас.

— Марта, — сказала она твёрдо, наклоняясь почти к самому лицу роженицы. — Сейчас будет больнее. Я не стану тебе врать. Но если ты сорвёшься, я не успею его взять. Поняла?

Женщина всхлипнула, зажмурилась, потом с усилием кивнула.

Это уже было много.

Элея работала быстро, почти на пределе памяти рук. Осторожно освободила вышедшую ножку, дождалась нужного момента, помогла развернуть плод так, чтобы не порвать мать ещё сильнее. Старуха у Марты за спиной уже плакала и шептала молитвы, мужик за бортом телеги хрипел что-то бессвязное, офицер молчал — но молчал так напряжённо, что его присутствие ощущалось даже сквозь ветер.

Когда показалась вторая ножка, стало чуть легче. Но только чуть. Самое страшное было впереди — плечики, руки, голова. Марта уже почти не держалась. Лицо у неё стало белым до синевы, губы дрожали.

— Ещё раз, — сказала Элея. — Сейчас. И не смей умирать раньше времени, слышишь?

Это прозвучало грубо, почти зло. Но Марта вдруг открыла глаза и уставилась прямо на неё, словно именно эта злость и удержала её в теле.

Следующая схватка пошла мощно. Элея поймала момент, направила, повернула, подхватила. На короткую страшную секунду ребёнок застрял плечом. Сердце у неё провалилось так резко, что потемнело в глазах.

— Нет, — прошептала она сквозь зубы, уже не женщине, не миру — самой смерти. — Только не сейчас.

Ещё одно движение. Осторожнее. Чётче.

Тело ребёнка вдруг скользнуло ей в руки — тяжёлое, мокрое, слишком тихое.

Марта закричала не от боли — от пустоты, которая внезапно схлопнулась внутри неё. Старуха за её спиной завывала.

А ребёнок не закричал.

Мир снова сузился.

Не телега. Не снег. Не северный тракт.

Только холодное тельце в её руках.

— Тряпку, — рявкнула Элея.

Ей подали. Она быстро очистила рот и нос ребёнка, растёрла грудь, наклонила, похлопала, вдохнула сама так резко, что под рёбрами кольнуло огнём, и начала дышать в крошечный рот, не думая о том, что здесь это может показаться колдовством.

— Ну же... — выдохнула она. — Не смей.

Ничего.

Ещё раз.

Снаружи ветер гнал снег по шкурам, где-то ржали лошади, кто-то сдавленно крестился. Время растянулось, стало вязким. Элея уже почти чувствовала, как у неё самой начинают дрожать руки.

И тогда ребёнок дёрнулся.

Сначала слабо. Потом сильнее. Крошечное лицо сморщилось, и воздух над дорогой прорезал хриплый, злой, тонкий крик.

Телега будто качнулась не от ветра — от общего выдоха.

Старуха заплакала в голос. Мужик снаружи ударил ладонью по борту так сильно, что подпрыгнула доска. Марта просто обмякла, почти проваливаясь в беспамятство.

— Не спать! — жёстко сказала Элея, передавая младенца старухе ровно настолько, чтобы та могла видеть, но не успела угробить его радостью. — Она ещё не закончила.

Это было правдой. Кровь шла слишком щедро. Не катастрофа — пока. Но уже на грани.

Дальше всё снова стало работой: заставить Мартыно тело сокращаться, довести роды до конца, не дать ей уснуть, уложить ребёнка к груди, как только стало можно, растереть ноги, укутать, влить в неё горячее. Старуха слушалась теперь так, будто перед ней стояла не сосланная госпожа, а сама последняя надежда. Мужик, уже не стесняясь слёз, делал всё, что велели, не задавая ни одного лишнего вопроса.

Только когда кровь перестала идти опасно, а Марта, полуживая, всё-таки прижала сына к груди, Элея позволила себе откинуться на борт телеги.

Пальцы у неё дрожали.

Не от страха уже. От запоздалой усталости, от собственной боли, от того, как сильно пришлось снова стать собой — той, которой она была в другом мире.

Мужик внезапно рухнул на колени прямо в снег.

— Госпожа... — он хрипло заглотнул воздух. — Да я... да мы...

— Встаньте, — сказала Элея устало. — Простудитесь раньше, чем сумеете её довести.

Он вскочил так быстро, будто его дёрнули за верёвку.

Старуха смотрела на Элею во все глаза.

— Ты кто такая? — спросила она шёпотом. — У нас так никто не умеет.

Элея медленно спустилась с телеги. Ноги едва не подогнулись, но она удержалась. Ветер сразу забрался под юбки и плащ, напомнив, что вокруг по-прежнему северный тракт, а не тёплая палата.

— Я та, кто не любит, когда женщина умирает зря, — ответила она.

Это было единственное правдивое объяснение, на которое у неё сейчас хватило сил.

Офицер сопровождения стоял рядом. Снег осел на его плечах и ресницах, но лицо осталось тем же спокойным, собранным. Только взгляд изменился.

Он уже не смотрел на неё как на груз, который надо довести.

Он видел.

Видел её руки в крови, сбившееся дыхание, побледневшие губы, ребёнка, который всё-таки кричал в телеге, и женщину, оставшуюся жить на этой зимней дороге.

— Вам самой нужно сесть, — сказал он.

— Нужно, — согласилась Элея.

Он подал ей руку, не церемонно, а просто вовремя. Она приняла — только потому, что сейчас действительно могла не удержаться.

Когда её усадили обратно в сани, дорога уже начала затягиваться сумерками. Крестьянскую телегу отвели в сторону, укрыли шкурами, мужик кланялся без конца, старуха всё крестилась на неё и на младенца, Марта лежала белая, но живая.

Элея закрыла глаза.

Тело болело теперь везде. Руки гудели, будто по ним прошлись молотом. В горле стоял вкус крови и холода. Но под этим всем вдруг прорезалось что-то новое — не радость даже, а жёсткая, упрямая уверенность.

Куда бы её ни сослали, кем бы ни пытались сделать, руки у неё не отняли.

И знания — тоже.

Сани тронулись.

Некоторое время они ехали молча. Только полозья скрипели по снегу, а ветер шёл вдоль борта, словно пробуя на прочность всё, что оставалось живым.

Потом у самой двери офицер вдруг наклонился чуть ближе и сказал так тихо, что эти слова достались только ей:

— О таком чуде генерал узнает раньше, чем вы доедете.

Элея открыла глаза.

Он уже отстранился, снова став тем же собранным человеком из дома Эйр-Рагар. Но фраза осталась.

Не утешение. Не угроза. Предупреждение.

Она отвернулась к маленькому замёрзшему оконцу, за которым тонула в снегу дорога на север, и впервые с момента развода почувствовала по-настоящему ясно: её ссылка переставала быть тихим исчезновением.

Кто-то уже понёс вперёд весть, что в изгнанной жене генерала оказалось больше жизни, чем нужно было дому.

Глава 4. Северный приют

К вечеру ветер переменился.

Пока они шли по открытому тракту, он бил в лицо остро, зло, почти по-столичному — так, будто хотел только унижить холодом. Но чем дальше обоз поднимался к перевалу, тем тяжелее и глуше становился воздух. Снег уже не сек кожу мелкой крошкой, а валил густо, мягко, упорно, закрывая дальние холмы, редкие сосны и саму дорогу. Казалось, север не выталкивал пришлых прочь, а просто медленно, терпеливо заносил их собой, чтобы потом не вспоминать, были ли они вообще.

Элея сидела в санях, чувствуя каждую версту всем телом.

После родов на дороге руки у неё до сих пор ныли так, будто она целый день таскала камни. Под ногтями, как ей ни оттирали пальцы снегом и горячей водой, всё ещё чудился запах крови. Спина ломилась от тряски. А внутри жило новое, тяжёлое знание: офицер не бросил ту фразу ради красоты. Кто-то и правда понёс вперёд весть о случившемся. И если новость об изгнанной жене, вытащившей мать и младенца почти из смерти, бежала быстрее саней, то северный приют встретит её уже не как безымянную ссыльную.

Вопрос был только в том, лучше это или хуже.

— До заката успеем, — сказал офицер, когда сани качнуло на крутом спуске. — Ещё немного.

Элея отняла ладонь от борта и выглянула в мутное оконце.

Сначала она увидела только дым. Несколько тёмных столбов, тяжело поднимавшихся в серое небо из-за снежного пригорка. Потом — крыши. Низкие, утопленные в снег, тесно прижавшиеся друг к другу дома посада, словно сами старались спрятаться от ветра. Чуть в стороне чернела гарнизонная башенка, над ней лениво полоскался заиндевший штандарт. А ещё дальше, за перекошенной оградой и нагромождением хозяйственных сараев, показалось длинное каменное здание.

Даже отсюда оно выглядело упрямым и больным.

Не ветхой крестьянской избой, которую можно разобрать и собрать заново. Нет. Старым большим домом, когда-то выстроенным с размахом и надеждой, а потом год за годом оставленным на сквозняках, экономии и чужом равнодушии. Один край крыши заметно просел. На окнах кое-где висели ставни, кое-где щели были заткнуты тряпьем. Двор занесло так, будто его чистили только у самого крыльца. От бокового крыла тянулся чёрный след копоти — печи топили плохо или слишком сырыми дровами.

— Это и есть приют? — спросила она.

Офицер посмотрел туда же.

— Он.

Ни сочувствия, ни насмешки в его голосе не было. Но после этого короткого ответа Элея почему-то окончательно поняла: Ардан не просто уступил ей имущество. Он отдал ей холод, долг, развалину и людей, которые давно разучились верить в чью-то помощь.

Сани съехали к ограде.

Чем ближе они подъезжали, тем яснее становилось, что север уже знает о ней больше, чем должен. У ворот стояли двое мальчишек в огромных овчинных шапках. Увидев обоз, они не побежали прятаться, а остались на месте, глаза с таким жадным любопытством, словно ждали именно этого зрелища. У колодца застыла женщина с ведрами, и даже сквозь снег Элея поймала на себе её быстрый, колющий взгляд. На крыльце самого приюта уже темнели фигуры — не одна, не две, а сразу несколько.

Едва полозья хрустнули у ступеней, дверь открылась.

Первой вышла старуха.

Высокая, сухая, в тёмном шерстяном платье и старом платке, туго стянутом под подбородком, она стояла так прямо, что её можно было бы принять за бывшую статс-даму, если бы не красные, потрескавшиеся от мороза руки и жёсткий, привычный к тяжёлой работе разворот плеч. Лицо у неё было узкое, с глубоко врезанными складками у рта. Глаза — острые, тёмные, злые не от характера даже, а от слишком долгой усталости.

За старухой теснились ещё трое: худенькая девчонка лет шестнадцати, коренастая баба с засученными рукавами и молодой парень при солдатском поношенном тулупе. Все смотрели одинаково — настороженно, без тени радости.

Офицер спрыгнул первым и откинул полог саней.

— Леди, — негромко сказал он.

Элея выбралась наружу сама. Ноги после дороги подогнулись почти незаметно, но этого почти хватило, чтобы старуха поджала губы с ещё большим неодобрением.

— Ну вот, — сказала она так, словно продолжала чужой спор, начатый задолго до прибытия Элеи. — Довезли всё-таки.

Офицер повернулся к ней.

— Варна?

— А ты ждал, что тебя архилекарь встречать выйдет? — огрызнулась старуха. — Варна. И была ею до вас, и, небось, после вас ещё побуду.

Она даже не поклонилась. Только перевела взгляд на Элею — от сапог до лица, цепко и без малейшей почтительности.

— Значит, это и есть столичная госпожа.

Снег мягко ложился ей на платок и плечи, не тая.

— Леди Элея, — сухо поправил офицер. — По решению дома Эйр-Рагар приют переходит под её управление. Бумаги при мне.

— Бумаги, — повторила Варна с таким презрением, будто ей предложили растопить печь гербовой грамотой. — Хорошее дело. А дрова при вас?

Офицер промолчал. Видно было, что эта женщина уже не в первый раз встречает на крыльце людей с приказами и ничего хорошего от них не ждёт.

Элея, не отводя глаз, ответила сама:

— Если дров не хватает, начнём с них.

Варна прищурилась.

— С них начинают все. Обычно на этом и заканчивают.

За её плечом тихо фыркнула коренастая баба. Девчонка, наоборот, вытянулась ещё сильнее, жадно разглядывая Элею так, будто ждала увидеть у неё на лбу клеймо развода.

Из-за ограды донёсся чей-то шёпот:

— Вон она. Та самая.

Элея не обернулась, но услышала всё.

— Ссылка, — добавил другой голос. — Говорили, генерал её прямо при дворе выставил.

— А ещё говорили, она на дороге роженицу вытащила, — быстро, почти восхищённо шепнул кто-то третий.

Варна тоже услышала. В глазах у неё мелькнуло что-то новое — не доверие, нет, слишком рано, — но хотя бы не чистое раздражение.

— Заходите, леди, — сказала она без любезности. — Или вы решили красоваться на крыльце до ночи?

Внутри приюта холод ударил не меньше, чем снаружи.

Не уличный, живой мороз, а запертый каменный холод, который въедается в стены, бельё, воду в кувшинах, в детские пелёнки, в кости тех, кто тут живёт. Пахло золой, влажным известняком, кипячёными травами и старым молоком. Коридор был длинный, плохо освещённый,

с неровно подмазанными стенами. Где-то в глубине слышался младенческий плач — сиплый, надтреснутый, усталый.

Элея остановилась на пороге.

Не из-за жалости к себе.

Из-за этого плача.

Так плачут дети, которых либо давно не брали на руки, либо держат в слишком холодной комнате, либо просто не умеют понять.

— Где ребёнок? — спросила она.

Варна будто споткнулась об этот вопрос.

— Какой именно? Их тут, представьте, не один.

— Тот, кто плачет сейчас.

Старуха вскинула брови.

— В левой палате. У Марисы сын. Живот крутит, молока мало, а сама она после родов слаба как осенний лист.

Элея уже шла туда, не спрашивая позволения.

Коридор вывел в небольшую комнату, где жар из перекаленной печи стоял тяжёлой, душной подушкой, а в углу на низкой кровати лежала бледная женщина с ввалившимися глазами. У груди у неё дёргался в крике младенец, красный от натуги, но холодный на висках. Рядом хлопотала та самая коренастая баба, неловко пытаясь то укутать ребёнка плотнее, то сунуть ему грудь.

— Не так, — сказала Элея раньше, чем успела подумать, имеет ли право вмешиваться в первый же миг. — Здесь его перегрели, а не согрели. Печь убавить. Пелёнки сухие, но не в три слоя. И дайте мне его.

Женщина на кровати подняла на неё мутный, измученный взгляд.

— Кто вы?..

— Та, кто хочет, чтобы он перестал надрываться.

Она взяла ребёнка осторожно, привычно. Тельце было напряжённым, животик твёрдым, а воздух в комнате — спертым до дурноты. Элея чуть развернула младенца, высвободила руки из слишком тугой пелёнки, приложила к плечу, легко похлопала по спинке. Через несколько мгновений он срыгнул воздухом и молоком, дёрнулся, всхлипнул — и плач стал другим. Уже не надрывным, а живым.

Коренастая баба так и застыла с открытым ртом.

— Печь приоткрыть, — повторила Элея. — И воду в таз у кровати. Здесь сушит ему грудь и ей дыхание.

Варна стояла в дверях, привалившись плечом к косяку. Не помогала, не мешала. Смотрела.

— На дороге тоже так командовали? — спросила она.

— Там было некогда выбирать тон.

— А здесь, думаете, есть?

Элея подняла на неё взгляд.

— Если тут принято ждать, пока ребёнок накричится до хрипоты, я могу уехать прямо сегодня.

Мариса испуганно вскинулась. Девчонка-помощница сжалась так, будто сейчас ударят. А Варна вдруг хмыкнула.

Не весело. Но и не зло.

— Нет уж, — сказала она. — Раз доехали — сначала посмотрите, где вам зимовать.

После этого её голос стал чуть деловитее.

Приют раскрывался перед Элеей постепенно, как рана, с которой одну за другой снимают повязки. Сначала — палаты: две занятые родильницы, одна беременная на сохранении, полу-

пустая комната, где когда-то, видимо, ждали знатных рожениц, а теперь стояли кровати с разной степенью убогости. Потом — детская. Там сквозило из-под рамы, в углу стояли две люльки, одна пустая, другая — с крошечной девочкой, спящей слишком тихо. Дальше — смотровая, где медный таз был хорош, а ножницы ржавели по краям. Кухня с почерневшим котлом и полупустой полкой. Маленькая травная, где сушились пучки полыни, тысячелистника, крапивы, зверобоя и ещё нескольких растений, которых Элея не знала, но сразу отметила в памяти.

— Кто здесь помогает рожать? — спросила она, пока шла за Варной.

— Я, — отозвалась старуха. — Иногда Милета.

Она кивнула на коренастую бабу.

— Иногда девчонка руки подаёт, если не падает в обморок.

— А лекарь?

— Лекарь? — Варна даже остановилась. — У нас, леди, приют, а не дворцовая лечебница. Лекарь приходит из гарнизона, если уж совсем прижмёт. Или если роженица такая, за которую потом спросят. А северных баб обычно рожают либо со мной, либо с господом, как кому повезёт.

Это было сказано буднично, почти спокойно. И оттого хуже.

Элея молча пошла дальше.

Кладовые были почти пусты.

В первой лежали мешки с мукой — всего два полных, третий полупустой, отсыревший. Корзина моркови, свёкла, кадка с квашеной капустой, соль, крупа на доньшке, кусок солонины, от одного вида которой становилось ясно: её съедят не от хорошей жизни. Во второй — бельё, тряпье, стопки старых простыней, часть из которых просилась уже не в стирку, а в огонь. В третьей — дрова. И вот здесь Варна не преувеличивала.

— Этого не хватит, — сказала Элея.

— Не хватит, — согласилась старуха. — Если топить как положено, на две недели. Если как привыкли — до середины месяца. А дальше либо лес, либо гарнизонные склады, либо молитвы.

— Вам не присылали содержание?

— Присылали. Бумаги. Обещания. Иногда мешок муки, иногда лекарские склянки, половина которых для рожениц бесполезна, а половина просрочена ещё до перевала. На севере всем кажется, что если что-то сюда дошло, значит, хватит.

В её голосе не было жалобы. Только злость, высушенная годами до ровного осадка.

— А люди? — спросила Элея. — Почему так мало рук?

Варна резко повела плечом.

— Потому что молодые бегут. Кто замуж, кто к тётке, кто в город при гарнизоне прачкой — там хоть теплее. Потому что тут платят редко. Потому что мёртвых детей и матерей здесь видят чаще, чем крестины. Потому что все любят, когда кто-то другой берётся за чужую кровь.

Они вышли во двор через боковую дверь. За сараями действительно белели почти занесённые дровяные поленницы, и даже отсюда было видно: запас жалкий. За оградой у калитки всё ещё толпились любопытные. Те самые мальчишки, женщина с ведрами, какой-то сутулый старик, две беременные бабы в платках. При виде Элеи они не отворачивались, наоборот — ждали.

Одна из женщин решила заговорить первой:

— Это вас к нам сослали?

Ни приветствия. Ни почтительности. Только прямой, жёсткий вопрос северного человека, которому не до церемоний.

Элея подошла ближе к калитке.

— Меня назначили сюда хозяйкой.

— Хозяйкой? — переспросил старик с таким сомнением, будто услышал, что волку поставили сторожить овчарню. — А господские руки печь топить умеют?

Кто-то усмехнулся.

Элея почувствовала, как внутри поднимается усталое раздражение. Не на них — на то, что дом Ардана уже успел сделать из неё в чужих глазах: красивую ссыльную, которую можно либо пожалеть, либо не уважать.

— Если надо будет, научатся, — ответила она. — А пока скажите лучше, почему беременные стоят у ворот, а не идут внутрь.

Женщины переглянулись.

Вторая, постарше, с круглыми от отёка пальцами, ответила всё с той же настороженностью:

— Потому что здесь теперь то пусто, то не протолкнуться. Потому что не каждая хочет под руку столичной госпоже. Потому что слышали мы, как при больших домах с бабами обходятся.

Удар был точным.

Элея не отвела глаз.

— Я не большой дом.

— Это ещё посмотреть надо, — буркнул старик.

Варна вмешиваться не стала. Стояла чуть в стороне и слушала, как будто это была какая-то нужная проверка, которую Элея обязана пройти без её помощи.

— Смотрите, — сказала Элея. — Завтра сами всё увидите. Если я окажусь такой же бесполезной, как вам обещали, уйдёте и будете правы. Если нет — будете приходить не к слухам, а ко мне.

Старик хмыкнул. Беременные женщины опять переглянулись. Не поверили — разумеется. Но и не отвернулись.

Для первого дня этого было достаточно.

Когда сумерки окончательно легли на посад, офицер передал Варне бумаги, оставил приюту один ящик сухарей и две связки свечей — видимо, собственная уступка к официальному содержанию — и собрался обратно в гарнизонный дом. Перед уходом он задержался у крыльца.

— Завтра утром подпишете опись имущества, — сказал он.

— Если имущество ещё не развалится к утру, — ответила Элея.

Он не улыбнулся, но взгляд у него дрогнул.

— Вам приготовили комнату наверху.

— Кто ещё знает, что я здесь?

Офицер понял вопрос сразу.

— В посаде — уже все. В гарнизоне — тоже. Кто понёс слух в столицу, не скажу, потому что не знаю. Но понесут быстро.

Тот самый холодок, знакомый по его словам на дороге, снова прошёл у неё по спине.

— А генерал?

— Генерал редко остаётся в неведении дольше, чем сам того хочет.

Это было всё. Он поклонился и ушёл, оставив после себя запах снега, кожи и ровно сказанную правду.

Комната наверху оказалась бывшей хозяйской спальней. Слишком большая для одного человека и слишком неудобная, чтобы назвать её подарком. Узкая кровать, тяжёлый сундук, стол у окна, таз на кованой подставке, скрипучий шкаф и печь, которая грела только пока её кормили дровами без перерыва. На стене ещё висело поблекшее изображение покровительницы матерей — одна рука над младенцем, другая над женщиной с опущенной головой.

Элея сняла плащ, и усталость навалилась сразу.

В пальцах ныла память о младенце с дороги. В висках гудел день. Плечи ломило от мороза, от тяжести шубы, от напряжения, в котором она жила с самого пробуждения в чужом теле. Но лечь и провалиться в сон не вышло бы, даже если бы приют вдруг стал тёплым и тихим.

Слишком много было не так.

Слишком быстро Ардан отдал ей этот дом.

Слишком уверенно север встретил её уже готовым мнением.

Слишком точно всё здесь выглядело как место, которое годами оставляли жить на грани — но не дотянуться до конца.

После короткого ужина — пустой каши и горячего настоя, который Варна принесла лично, не объясняя, забота это или просто порядок — Элея попросила показать ей учёт.

— Какой ещё учёт? — мрачно спросила старуха.

— Родов. Смертей. Прихода припасов. Лекарств. Всего.

Варна поставила кружку на стол.

— Вы в первый день ещё и книги читать собрались?

— А когда лучше? Когда у меня здесь кто-нибудь умрёт из-за того, что я не знаю, чем живёт этот дом?

Старуха долго смотрела на неё, потом всё-таки кивнула.

— Пойдёмте.

Они взяли лампу и спустились вниз. Не в главную кладовую и не в травную, а дальше, за кухню, по узкому коридору, где тянуло сыростью. Дверь в подвал перекосило так, что Варне пришлось налечь плечом. Вниз уходили каменные ступени, местами стёртые до впадин. Оттуда пахло плесенью, старой бумагой, мокрым деревом и чем-то ещё — забытым, тяжёлым.

Лампа качнулась, отбрасывая неровный свет на низкий свод.

Подвал был больше, чем казался сверху. У стены громоздились ящики, сломанные кровати, спинки, пустые корзины, старые тазы, мотки верёвки. В углу стоял покосившийся шкаф. А на длинном столе под холстом лежала стопка толстых книг.

— Вот, — сказала Варна. — Больше вам в такую ночь всё равно никто не разберёт.

Элея откинула холст.

Пыль взметнулась в лицо. На переплётах под копотью и сыростью ещё читались надписи: *журнал родов, журнал поступлений, учёт палаты, приход лекарств*. Годы тянулись по корешкам плотной вереницей.

Она провела пальцами по одному из журналов. Кожа переплёта была сухой, треснувшей. Кто-то когда-то вёл эти книги с усердием, аккуратно, как ведут вещи, за которые потом будут спрашивать. Потом, видимо, спрашивать перестали.

— Здесь всё? — спросила она.

— Что не сгнило и не растащили, — ответила Варна. — Что искали, то и брали. Что не искали, то валяется.

— Кто искал?

Старуха пожала плечом.

— Приказчики из дома. Гарнизонные писари. Однажды приезжал столичный лекарь и копался тут полдня, будто золото зарылось в родильных журналах. А что? Нашли, что ли, сокровище?

Элея уже не слушала до конца.

Она раскрыла первый журнал — почти наугад, по году. На страницах шли записи: имя роженицы, срок, исход, осложнения, имя ребёнка, если успевали дать. Вторая книга. Третья. Почерк менялся, смысл — нет. Рука сама тянулась к тем годам, что обожгли её в чужой памяти: первый год брака, второй, третий.

На середине одного журнала пальцы упёрлись в пустоту.

Элея замерла.

Страницы не выпали.

Их вырвали.

Ровно. Аккуратно. Не с гнилого края, не с размаху, а так, будто человек знал, что именно ему нужно убрать. Она открыла следующую книгу — ту же картину. Ещё одну. И ещё.

Не все.

Только за определённые годы.

Те самые годы, когда Элея жила в доме Ардана. Когда её лечили. Когда с каждым месяцем всё громче шептались о бесплодной жене. Когда она, по словам свекрови, “не оправдывала надежд дома”.

Лампа у неё в руке дрогнула.

— Варна, — сказала она очень тихо. — Скажи мне одну вещь. За эти годы сюда привозили только женщин из посада и окрестных деревень?

Старуха молчала чуть дольше, чем следовало бы для простого ответа.

Потом нехотя произнесла:

— Нет. Не только.

Элея подняла взгляд.

— Кого ещё?

Варна скривила рот.

— Разных. Иногда — жён офицеров. Иногда — таких, у кого лицо под вуалью и слуги приказывают не спрашивать имени. Иногда — тех, кого сюда везли ночью и увозили до рассвета. Богатые любят думать, что север далеко и память у него короткая.

Под потолком тихо потрескивал фитиль. За стеной глухо выл ветер.

Элея снова опустила глаза в журнал.

Рваные края страниц белели в полутьме, как кость в старой ране.

Кто-то здесь не просто экономил на женщинах и детях. Кто-то убирал следы. И делал это именно в те годы, когда ломали её саму.

Она медленно закрыла книгу.

Холод подвала вдруг показался живым — не от камня, не от сырости, а от чужой, давно спрятанной правды, которая всё это время лежала внизу вместе с пылью, счётами и старой кровью.

Элея провела пальцем по рваному срезу и поняла уже без всяких сомнений: случайностью здесь не пахло.

Кто-то давно знал, какие именно страницы нельзя оставлять на месте.

Глава 5. Мёртвый младенец с гербом

Ночью Элея так и не легла по-настоящему.

Она поднялась из подвала вместе с Варной уже за полночь, с фонарём в руке и с ощущением, будто в груди ей оставили не воздух, а ком холодного железа. Вырванные страницы не выходили из головы. Рваные белые края торчали перед глазами даже тогда, когда она села на кровать у себя наверху и попыталась снять сапоги. Пальцы дрожали от усталости. Плечи ломило. Стоило закрыть глаза, как тут же всплывали то дворцовый зал, то Марта на зимней дороге, то журнал, из которого кто-то выдернул именно те годы, когда её саму медленно, методично делали пустой.

Печь в комнате натужно дышала жаром, но согреться не выходило.

Под утро её всё-таки скрутило — не страхом даже, а телом. Слабость накатилась так резко, что пришлось сесть прямо на край постели и переждать, пока дрожь в руках станет не такой заметной. Она умылась ледяной водой, от которой закололо виски, и поймала своё отражение в мутном оконном стекле: бледная, с потемневшими глазами, с осунувшимся лицом, в котором уже почти не оставалось той столичной красоты, на которую, наверное, рассчитывали её мучители. Хорошо. Пусть с неё быстрее сойдёт всё лишнее.

Когда она спустилась вниз, в приюте уже было шумно.

Не по-больничному организованно, а так, как бывает в доме, где беда входит без стука и каждый крутится вокруг неё, как умеет. В коридоре стояла Милета с закатанными по локоть рукавами и тазом горячей воды. Девчонка-помощница, ещё вчера пугливо жавшаяся к стене, бежала с охапкой тряпок. Из левой палаты доносился тяжёлый стон, не похожий на обычные схватки. Варна, увидев Элею, даже не удивилась тому, что та уже одета.

— Не успели вы у нас переночевать, леди, — бросила она на ходу, — как приют решил проверить, зачем вас сюда прислали.

— Кто? — коротко спросила Элея.

— Дарина, жена кузнеца. Вторые роды. С ночи мучается. Кровь идёт странно.

Странно.

После этих слов усталость будто встала в сторону. Элея пошла быстрее, хотя каждая ступенька ещё отзывалась в теле слабостью. В палате жарко топили, но пахло не теплом, а потом, кровью и тем тревожным сладковатым запахом, который часто приходит раньше большой беды.

Дарина лежала поперёк кровати, стиснув зубами край простыни. Женщина была крепкая, ширококостная, но сейчас лицо у неё уже ушло в серизну, лоб блестел, а губы побелели. Подложенные под неё полотна были мокрыми. Не просто пропитавшимися кровью — на ткани проступали тонкие тёмно-красные прожилки, и по ним пробегал слабый металлический отсвет, словно внутри крови ещё что-то жило и не давало ей свернуться.

Элея остановилась у самой кровати.

Это был не обычный послеродовой риск и не случайная травма. Она ещё не умела называть местные магические болезни так, как назвала бы земной диагноз, но одно понимала сразу: кровь вела себя неправильно.

— Сколько уже? — спросила она.

— С полуночи, — ответила Варна. — Сначала шло понемногу, потом схватки стали путаться. Плод жив, я слушала. Но кровь не нравится мне совсем.

— Мне тоже.

Дарина открыла мутные от боли глаза.

— Госпожа... — хрипло выдохнула она. — Только не дайте мне сдохнуть. У меня дома мальчишка... маленький ещё...

— Сдохнуть я вам не дам, — отрезала Элея, уже закатывая рукава. — А вот слушаться придётся.

Это было грубо, но женщина уцепилась за тон быстрее, чем за утешение.

Элея положила ладонь на живот роженицы. Матка шла волнами неровно. Не так, как должна в хороших, сильных схватках, а рывками, будто что-то внутри вмешивалось в естественный ритм. На внутренней стороне бёдер кровь подсыхала тёмными лентами, но новые толчки снова прорывали её поверх. И под пальцами, когда она осторожно проверила состояние шейки и положение ребёнка, почувствовалось ещё одно: слишком жёсткое напряжение тканей, словно тело одновременно и раскрывало выход, и пыталось зажать его обратно.

— Что вы делали? — спросила она Варну.

Старуха мгновенно ошетибилась:

— То, что делаю сорок лет. Успокаивала, давала отвар, заставляла дышать. И не смотри на меня так, я не дура.

— Я и не сказала, что вы дура, — резко ответила Элея. — Но сейчас мне нужны все подробности. Отвар какой?

Милета, стоявшая у печи, быстро сказала:

— Пастушья сумка, лист кровохлёбки, чуть-чуть горького корня.

Хорошо. Значит, не навредили глупостью.

— У неё в прошлых родах было так?

— Нет, — выдохнула Дарина сама. — Первый легко... а сейчас будто жар под кожей... и тянет так, будто режут...

Жар под кожей.

Элея быстро оглядела комнату.

— Воды. Ещё. Чистое бельё. И уберите отсюда всех, кто не нужен.

— Я останусь, — сказала Варна.

— Вы и Милета — да. Девочку пошлите за кузнецом. Пусть ждёт внизу, но не воеет под дверь.

Варна коротко кивнула. После вчерашнего их первого столкновения это уже было почти согласием работать вместе.

Элея снова склонилась к роженице. В новом мире у неё не было ни привычных инструментов, ни лаборатории, ни права на ошибку. Но был взгляд, руки и память о сотнях тел, которые говорили с ней болью, кровью, дыханием.

И сейчас тело Дарины говорило одно: либо вмешаться быстро, либо она уйдёт в расплывающееся кровотечение ещё до рождения ребёнка.

— Слушайте меня внимательно, — сказала Элея уже не роженице, а обоим повитухам. — Здесь не просто кровь. Её как будто что-то гонит толчками. Если ждать, пока всё решится само, мы потеряем и мать, и ребёнка.

Милета перекрестилась.

— Порча, — шёпотом сказала она.

— Нет, — резко бросила Элея. — Слово не лечит. Руки лечат.

Но сама при этом уже думала о другом. Не порча в деревенском смысле. Возможно, какой-то слабый магический след, прошедший по крови матери. Неровный, внутренний, как сбой. Северные женщины жили рядом с родовой магией знати, с гарнизоном, с древними местами. Кто знает, что тут считалось редкостью, а что — обычным фоном?

Дарина закричала — схватка пришла слишком резко. Кровь толкнулась снова.

— Хорошо, — проговорила Элея быстро. — Значит, ждать не будем.

Она велела подложить женщине новый валик под поясницу, заставила Милету греть полотна, Варну — растереть Дариныны руки и следить, чтобы та не уходила в слабость. Сама снова проверила положение ребёнка.

Голова стояла правильно.

Это уже было подарком.

Но ткани на ощупь были горячими, почти жгущими. И этот металлический отсвет в крови появлялся чаще. Элея вдруг вспомнила, как на разводе видела тонкую серо-синюю нить по запястью новой невесты. Здесь цвет был другим — глубже, краснее, — но сам рисунок нарушения показался пугающе родственным. Не таким же. Просто слишком уверенно говорящим о том, что в этом мире кровь умеет быть не только кровью.

— Варна, — тихо сказала она. — У вас бывает так, чтобы кровь словно вспыхивала?

Старуха замерла на секунду.

— Редко. У тех, кто после рода или после солдатских семей. Иногда говорят, будто в ребёнка вцепилась чужая сила.

— А что делаете?

— Молимся, — буркнула Варна. — Или теряем.

Честный ответ.

Элея коротко выдохнула.

— Сегодня не потеряем.

Она заставила Дарину сменить ритм дыхания, дождалась мощной схватки и начала вести роды жёстче, чем принято было у этих стен. Не “пусть природа сама”, не “подождём ещё”, а через точный контроль, через темп, через постоянное удержание внимания роженицы на голосе.

Дарина сначала пыталась срываться в крик, в слёзы, в животный страх. Но постепенно начала слушаться. Не потому, что верила новой хозяйке приюта. Потому что между болью и голосом, который не оставлял ей права умереть, она выбрала голос.

Пот заливал Элее виски. Слабость, затаившаяся с утра, иногда подкатывала к горлу тошнотой. Но в работе тело снова подчинилось.

— Сейчас, — сказала она, когда почувствовала, как головка ребёнка пошла ниже. — Не рвитесь зря. Сберегите силу на этот момент.

Дарина застонала, вцепившись в простыню.

— Больно...

— Будет ещё больнее, если вы начнёте умирать, — жёстко ответила Элея. — Выберите, на что тратить силу.

Варна бросила на неё быстрый взгляд. Тот самый — уже без явной неприязни, но с новым вниманием. Наверное, она ожидала от столичной госпожи либо брезгливости, либо красивых речей. А получила работу.

Схватки шли тяжело, но ровнее. Кровь всё ещё пугала. Тогда Элея велела Милете принести весь оставшийся запас кровахлабки, а Варне — крепкий отвар крапивы и того горького корня, что давали при “пылающей крови”. Риск был. Но без риска здесь уже давно никого не спасали.

— Если ошибусь, — тихо сказала она Варне, пока Милета бегала в травную, — потом можете проклясть меня сколько захотите.

Старуха скривилась.

— Я лучше помогу, чтоб ошибиться не пришлось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.